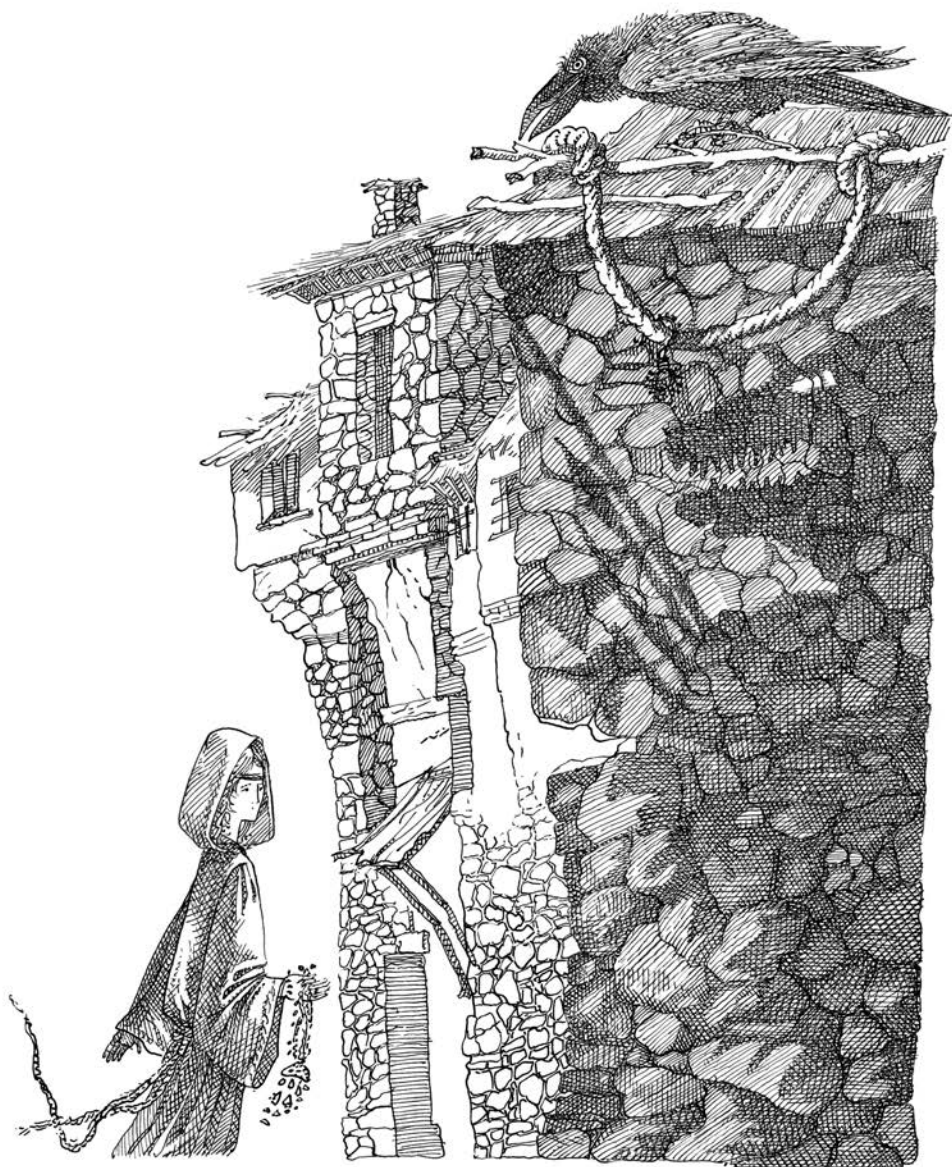

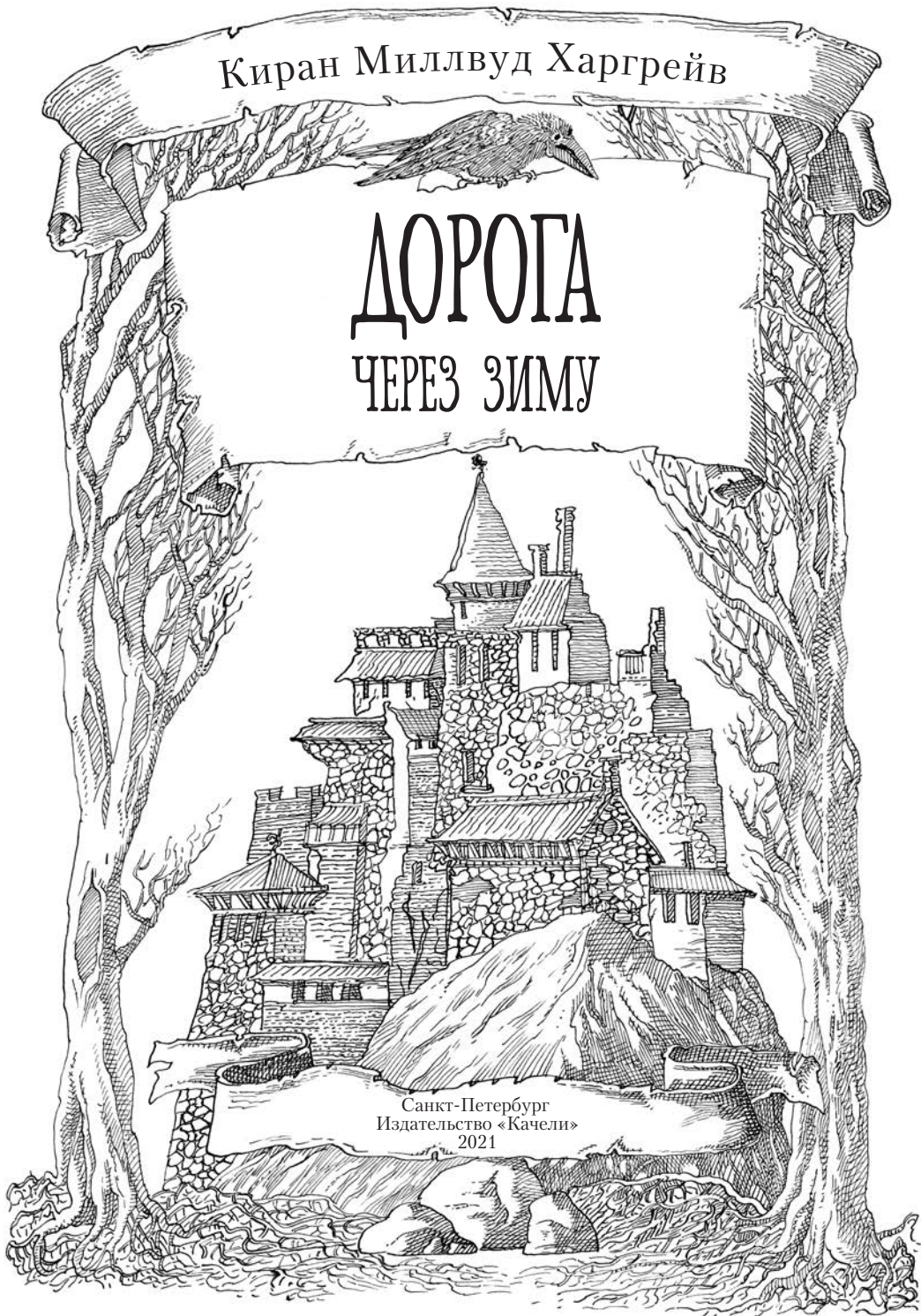
*Н. и моему брату Джону,
настоящим смельчакам*

Киран Миллвуд Харгрейв

ДОРОГА
ЧЕРЕЗ ЗИМУ

Санкт-Петербург
Издательство «Качели»
2021

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
Х20

Original English language edition first published in 2018 under the title
THE WAY PAST WINTER
by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS
Text copyright © KIRAN MILLWOOD HARGRAVE © 2018

The Author has asserted her moral rights.
All rights reserved.

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency
за содействие в приобретении прав

© Кидвати О., перевод, 2021
© Рокотова Н., ил., 2021
© ООО «Издательство Качели», 2021

ISBN 978-5-907302-29-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОМ В ЭЛЬДЬБЕРНСКОМ ЛЕСУ

Стояла зима, о которой потом будут слагать легенды.

Зима, которая наступила так внезапно и резко, что птицы примерзли к ветвям, а застывшие брызги застигнутых морозом рек раскатились по их неподвижным водам, будто помутневшие алмазы. Зима, которая пришла и никак не уходила.

Минуло три года, потом пять. Люди говорили о проклятии, возносили молитвы, давали зароки. Винили колдунов, собственных соседей, *ярлов*, которые правили их городами и деревеньками. Но хула не могла уничтожить зиму, и скоро никто уже не мог припомнить тепла, которое не исходит от огня, и иной зелени, кроме чуть серебрящейся хвои елей.

Телеги были заброшены и уступили место саням, прекрасные лошади перестали цениться и в конце концов их сменили горные пони, подвывающие лайки и другие привычные к снегам животные. Медведи погрузились в вечную спячку, в сумраке бескрайних лесов рыскали волки. Кое-кто из местных жителей уехал, покинув свою промерзшую землю, но большинство осталось и, как это свойственно людям, изменилось, приспособиваясь к изменившемуся миру.

Изменились и их сказания. Исчезли истории о меде и изобилии, сказки превратились в предостережения —

пронзительные, словно пчелиные укусы. Огненные гуси, что летом несли на спинах солнце, обернулись ледяными лебедями, которые щиплют голые пальцы рук и ног, отрывая их начисто. Речные нимфы стали ледяными девами, крадущимися по дну замерзших озер, поджидая случая за тащить под лед непослушных детей. Задумчивые голоса говорили о волшебных островах, где дожидается своего часа весна, о золотых струях водопадов в солнечных лучах, — но эти чудесные места всегда были недостижимы и лежали далеко-далеко за вымороженным горизонтом.

На пятый год зимы ее тиски все еще сжимались вокруг южных городков у реки и северных горных городов, и холод установил новые порядки, крепко опутывая ими семьи, что жили в самых дальних уголках земли. Тогда-то в маленьком заиндевелом домике, который стоял по колено в снегу на узком островке леса, три сестры и брат поспорили из-за капусты.

— Только не вари ее опять, ну пожалуйста, Санна, — молила Пипа, самая младшая. Девочка сидела, закрывая ладошками замерзшие уши, ее губы дрожали, пока она смотрела на усохший кочан с затвердевшими листьями. — У нас неделю не было ничего, кроме вареной капусты.

— Еще не хватало, чтобы дитя, которое еще даже не доросло до истинного имени, говорило мне, что делать, — поспешно сказала Санна. Так могла бы ответить семилетней Пипе суеверная женщина втрое старше семнадцатилетней Санны. Прежде чем станет ясно, что девочку миновал сглаз и можно дать ей новое, истинное имя, нужно было подождать еще целый год. — К тому же так от капусты выйдет больше всего толку.

Она нависла над особенно жестким и скукоженным кочаном с ножом в руках, выискивая место, куда его вонзить.

— У нас есть жир, — с надеждой сказала Мила, стараясь, чтобы ее слова не вторили нытью младшей сестры, — можно было бы пожарить...

— И сжечь лишние дрова, чтобы растопить жир? — попенял ей Оскар со своего места, которое было дальше всего от огня. — Надо ее сварить. Повзрослей уже, Пипа. Хватит с меня твоих дрожащих губ.

— Оставь ее в покое, Оскар, — сказала Мила, обнимая Пипу одной рукой и хмурясь на старшего брата.

Тот стал совсем не таким, каким был до ухода отца, все больше превращаясь в какого-то чужака. Теперь Оскар открывал рот, только чтобы поблагодарить старшую сестру Санну за еду, которой та кормила его каждое утро перед тем, как он уходил, увязая в снегу, проверить свои ловушки, или чтобы отчитать одну из младших сестер.

Мила обхватила застывшие пальчики Пипы и стала согрывать их своим горячим дыханием.

— Ладно, Пип, давай не приставать к Санне — она лучше нашего разбирается в капусте.

— Вот именно! — сказала Санна, обнаружив самый уязвимый участок кочана и с треском вонзая в него нож. — Будем варить.

Снаружи залаяла одна из собак. Мила знала, что это Душа, голос которой был выше, чем голос ее брата-пса: более плаксивый и настойчивый — вроде как у Пипы. Через мгновение к ней присоединился и резкий надтреснутый вой Дани.

— Вот псы! — сердито фыркнула Санна. — Оскар...

Но Мила уже была на ногах и доставала свои гревшиеся у очага меховые сапоги:

— Я схожу.

Девочка набросила коричневую накидку и спрятала каштановые волосы под шапку из лисьего меха, но прежде чем она успела отпереть дверь, кто-то постучал в нее два

раза, а потом еще два в том разудалом ритме, к которому вся семья привыкла за последние месяцы.

— погоди! — воскликнула Санна, но Мила ехидно усмехнулась и потянула засов.

Она услышала, как сестра громко ругнулась и загремела кастрюлями в поисках медной, которой они иногда пользовались в качестве зеркала.

К столбу во дворе был привязан горный пони, а перед Милой предстал паренек. Одного возраста с Санной и одного роста с Оскаром, с упитанным красивым лицом, светловолосый — в то время как все Эриксоны отличались темными волосами. Увидев задиристую улыбку Милы, он вспыхнул.

— снова к нам, Гейр? — сказала Мила. — Не знала, что на этой неделе мы отдавали ножи в заточку.

— Всего один, — ответил Гейр, а Мила услышала, как ей за спину скользнула Санна.

Мила посмотрела на старшую сестру из-под лисьего меха и подняла брови. Санна распустила волосы и пощипала щеки, чтобы те зарумянились. Она даже губы покусала, чтобы они покраснели, да так, что в одном месте даже немного повредила нижнюю. Санна вцепилась в Милу и отодвинула ее в сторону.

— Привет, Гейр! — в голосе девушки звучала странная хрипотца, словно она простыла.

— Привет, Санна, — пискнул Гейр.

Мила фыркнула и потопала обратно на кухню, закрыв за собой дверь, чтобы не напустить холода. В семье уже привыкли к тому жалкому обмену репликами между сестрой и точильщиком из Ставгара, который у них сходил за разговор.

Оскар поднял глаза от оставленной Санной капусты, которую он теперь рубил своим охотничьим ножом с рукоятью, вырезанной в виде причудливо переплетенных

корней. Резать дерево и веревки его толстым лезвием было куда удобнее, чем овощи.

— Они целовались? — хихикнула Пипа.

— Ага, — сказала Мила, снимая шапку и закатывая глаза.

— Пипа! — одернул ее Оскар. — Глупости не говори! — Он внимательно посмотрел на Милу. — Ведь нет? — Его рука стиснула нож.

Мила подумала, не поддразнить ли брата, но тут в животе у нее заурчало. Сил на шутки не осталось.

— Конечно нет. Он просто нож принес.

— Еще один?

Мила невнятно промычала что-то и рухнула на лавку у огня, глядя на пар, поднимающейся от воды, которой скоро суждено было стать тем сероватым капустным супом, что неделями служил им пищей.

За звуками, которые издавал вонзающийся в кочан нож, Мила пыталась расслышать, что там бормочут Санна и Гейр. Колокольчиком прозвенел чудесный смех Санны, потом, скрипнув, захлопнулась входная дверь, а кухонная, наоборот, распахнулась, и холодные пальцы ветра царапнули Милины щеки. Вплыла Санна с отстраненным выражением узкого лица, держа что-то в руке.

— Что там у тебя? — спросила Пипа.

— Ничего, — торопливо сказала Санна, прикалывая к плащу что-то блестящее. — Подарок.

Это оказалась брошь, искусно вырезанная из лосиного рога, вся в бледных завитках, напоминающих морскую пену. Она была очень красивой.

— А что ты дала ему взамен? — спросила Мила, и на щеках ее старшей сестры заалели пятна румянца.

— Ничего, — отрезала Санна, в шутку замахиваясь на Милу свежезаточенным ножом. — Подарки дарят, не ожидая что-то за них получить.

— Он в четвертый раз за неделю явился, — сказал Оскар.

— Гмм, — хмыкнула Санна, поджимая губы.

— До Ставгара далеко, обратно он впотьмах поедет.

— Гмм.

— Может, в следующий раз пригласишь его поужинать?

Мила заметила, как старшие брат с сестрой обменялись взглядом, значение которого она не поняла.

— Да, — сказала Санна. — Может, и приглашу. — Она сглотнула, а потом заговорила твердым тоном, означающим, что тема закрыта. — Ну что, закончил ты кромсать эту капусту?

Тусклый день скатывался во тьму, окутываясь сумерками, и домишко наполнялся запахом капустного супа, означавшего, что ужин готов. Санна как раз собралась налить порцию Пипы в колотую деревянную миску, когда Душа, а следом и ее брат, опять принялись лаять.

— Неужели снова Гейр? — спросил Оскар, а Санна мотнула головой.

— Может, псы просто нервничают. Пойду их успокою, — проговорила Мила. Несмотря на голод, она вовсе не спешила к своей миске с супом. Девочка во второй раз надела накидку и шапку, приоткрыла дверь и ступила в снег, отблескивающий серебром в неверном свете.

— Иду, Душа-Душ! Иду, Даня!

Склонив голову от порывов пронизывающего ветра, она закрыла за собой дверь и, держа руки под мышками, чтобы меньше зябли, стала пробираться по сугробам к закрытому деревянными воротами сарайчику, где жили собаки. Но, не пройдя и трех шагов, на что-то наткнулась.

— *Йавойт!* — Мила оступилась, запнувшись о собственный плащ, и чуть не упала, но устояла и подняла взгляд. Стук сердца стал почти таким же громким, как вой ветра. Теперь она знала, почему лают собаки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НЕЗНАКОМЕЦ

— Такая маленькая, а выражаешься, как мужик, — сказал голос, глубокий и резкий, как Данин лай, который становился все громче. — Как тебя звать?

Мила натянула на лицо шарф. Во рту появился мерзкий привкус, она сглотнула, ощущая кошмарный звериный запах, горький, точно прелая листва. Перед ней стоял конь, какой-то прямоугольный и огромный, вроде сарая. Сидевший на нем всадник был так закутан в меха, что казался не меньше своего скакуна. На поясе у него поблескивал топор дровосека, такой же, как у отца, а дикий взгляд над темной щетиной сверкал золотом.

Сзади него виднелась дюжина фигур поменьше, на пони, в плащах и капюшонах, с факелами в руках. Мила заметила, что один из всадников держит вышитый стяг с изображением медведя под деревом, на корнях которого посверкивают в свете факелов золотые стежки.

От них шел пар, пони всхрапывали и били копытами, шарахаясь от собак, которые бросались на ворота. Человек на коне поднял руку, и оба пса замолчали, рухнув на землю, как паруса, которые больше не наполняет ветер.

— Нет! — Мила попыталась вытащить ноги из снега, но те словно примерзли. — Душ! Дан...

Но собаки по-прежнему лежали тихо, уткнувшись носами в лапы и подергивая бровями над широко раскрытыми глазами. Даже деревья позади них, казалось, замерли.

Мила опасливо повернулась к незванным гостям и впиалась взглядом во второго по счету всадника, на подбородке которого не было заметно щетины. Он казался пареньком примерно тех же лет, что и Оскар. Возможно, это сын предводителя? Девочка посмотрела на следующее лицо, потом на следующее. Все всадники были мальчишками, а некоторые, наверно, всего на год ее старше.

Наверняка у человека не может быть столько сыновей, ведь так?

Голос перехватило, он застрял в горле, трепеща там пойманной птичкой. Предводитель перекинул ножищу через конскую спину и соскочил в снег. Нет, не совсем так...

Мила уставилась на его ноги. Он носил хорошие, не стоптанные кожаные сапоги, которые словно и не побывали в тяжелом путешествии, но не они приковали взгляд девочки.

Человек спрыгнул не в снег, а *на снег*. Он не провалился в сугроб, хотя Мила чувствовала, как снег набивается ей в сапоги и скрывает ноги всех пони почти по колено.

Вскинув голову, Мила увидела, что предводитель смотрит прямо на нее своими свирепыми глазами. Когда она снова опустила взгляд, ноги человека уже по щиколотку погрузились в сугроб. Мало того, его справные сапоги теперь оказались обвязаны шнуром, золотым, как корни дерева на стяге.

Мила моргнула, а человек улыбнулся, оскалив зубы, серые и неровные, как обуглившиеся деревяшки. Девочка сглотнула, чувствуя, как рот приливом затапливает горечь.

— Добрая зимняя встреча! — поздоровался человек и помолчал, ожидая ответного приветствия. Его не последовало. — Разве ты не собираешься с нами поздороваться?